

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 17. 216 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018.
No. 17. 216 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной, а также А. А. Бессуднов, С. А. Васильев, М. Н. Желтова, К. Н. Степанова

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi and A. A. Bessudnov, S. A. Vasiliev, M. N. Zheltova, K. N. Stepanova

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 17 «Записок ИИМК РАН» публикуются научные исследования в области изучения древнекаменного века Восточной Европы, представленные на Международной научной конференции «Плейстоцен и палеолит Русской равнины: развитие идей комплексного подхода», посвященной 80-летию со дня рождения выдающегося исследователя палеолита Н. Д. Праслова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 17th issue of the «Transactions of IHMC RAS» features papers focused on the Old Stone Age of East Europe, which were presented at the International scholarly conference «The Pleistocene and Paleolithic of the Russian Plain: the development of complex approach» dedicated to the 80th birth anniversary of N. D. Praslov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Николай Дмитриевич Праслов: ученый и человек

- С. А. Васильев, М. Н. Желтова.* «Плейстоцен и палеолит Русской равнины: развитие идей комплексного подхода». Международная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Н. Д. Праслова 9
- А. А. Синицын.* Н. Д. Праслов и формирование модели культурно-хронологической дифференциации палеолита Костёнок. 12
- А. Н. Бессуднов.* О роли Н. Д. Праслова в становлении липецкой археологии 21
- И. В. Котлярова.* Николай Дмитриевич Праслов – учитель и наставник 25
- М. В. Константинов, Т. А. Константинова.* Штрихи к биографии первооткрывателя древнего поселения Костёнки ученого Ивана Полякова 31

Новые исследования палеолита в Костёнках

- М. Н. Желтова, Н. Е. Зарецкая.* Новые данные по хроностратиграфии Костёнок 1, слой I 37
- А. Е. Дудин.* Планиграфия третьего комплекса культурного слоя Ia стоянки Костёнки 11 45
- С. Н. Лисицын.* Находки артефактов стрелецкого культурного облика на стоянке Борщёво 5 в Костёнковско-Борщёвском палеолитическом районе на Дону 55
- А. А. Бессуднов.* Предварительные результаты спасательных археологических работ на стоянке Костёнки 21 (Гмелинская) в 2013–2016 гг. 62

Древний каменный век Русской равнины

- А. К. Очередной, Е. В. Воскресенская, К. Н. Степанова, Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. В. Ларионова, Н. Е. Зарецкая, Е. К. Блохин, А. В. Колесник.* Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины 74
- С. Ю. Лев.* Новые памятники палеолита в Зарайске 84
- Г. А. Хлопачев.* Опыт реконструкции плана и некоторые особенности структуры Юдиновского верхнепалеолитического поселения 97
- Н. Б. Ахметгалеева, Н. Д. Бурова.* Новые горизонты исследований на многослойной стоянке Быки-7 в Курской области 107
- Н. Б. Леонова, Е. А. Виноградова.* Основной культурный слой Каменной Балки II: новые данные по материалам раскопок 2014–2017 гг. 117
- А. В. Ларионова, К. Н. Степанова.* Контекст обнаружения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой 126
- А. В. Колесник.* Памятники «восточномикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья 141

Открытия в Крыму и на Кавказе

- В. Е. Щелинский.* Раскопки раннеплейстоценовой стоянки Кермек в Южном Приазовье в 2017 г. 151
- С. А. Кулаков.* Крупные рубящие орудия в индустрии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка 165
- К. Н. Гаврилов, М. Г. Жилин.* Местонахождения каменного века Керченского полуострова: предварительные результаты рекогносцировок 2016–2017 гг. 171

Краски и украшения в палеолите

- С. А. Демещенко.* Образцы минеральных пигментов и окрашенные предметы из Костёнок в собрании Государственного Эрмитажа 181
- В. С. Житенёв.* Следы практик совместного использования краски и глины в Каповой пещере: предварительное сообщение 188
- Г. В. Синицына, И. А. Григорьева, Е. Ю. Медникова.* Гравировка на гальке (по материалам стоянки каменного века Ланино I/8 в Тверской области) 195

Методы фиксации в полевых исследованиях

- Е. М. Колпаков.* Электронные технологии в полевых исследованиях (Кольский камеральный комплекс) 208
- Список сокращений 213

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

Nikolai Dmitrievich Praslov as a scholar and a person

- S. A. Vasiliev, M. N. Zheltova.* «The Pleistocene and Paleolithic of the Russian Plain: the development of complex approach». International conference dedicated to the 80th birth anniversary of N. D. Praslov. 9
- A. A. Sinitsyn.* N. D. Praslov and the formation of the model of cultural and chronological differentiation of the Paleolithic of Kostenki 12
- A. N. Bessudnov.* N. D. Praslov's role in the making of archaeology at Lipetsk. 21
- I. V. Kotlyarova.* Nikolai Dmitrievich Praslov — the teacher and the tutor 25
- M. V. Konstantinov, T. A. Konstantinova.* A few strokes to the biography of Ivan Polyakov — the discoverer of the ancient site of Kostenki 31

New research on the Paleolithic of Kostenki

- M. N. Zheltova, N. E. Zaretskaya.* New data on the chronostratigraphy of Kostenki 1, layer I 37
- A. E. Dudin.* Planigraphy of the third complex of cultural layer Ia of Kostenki 11 45
- S. N. Lisitsyn.* Finds of the Streletsian-type artifacts from the site of Borshchevo 5 in the Kostenki-Borshchevo area on the Don. 55
- A. A. Bessudnov.* Preliminary results of salvation works at the site of Kostenki 21 (Gmelin site) in 2013–2016. 62

The Old Stone Age of the Russian Plain

- A. K. Otcherednoi, E. V. Voskresenskaya, K. N. Stepanova, L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, A. V. Larionova, N. E. Zaretskaya, E. K. Blokhin, A. V. Kolesnik.* Complex geoarchaeological studies of the Middle Paleolithic sites in the Russian Plain 74
- S. Yu. Lev.* New palaeolithic sites in Zaraysk. 84
- G. A. Khlopachev.* A reconstruction of the plan and some structural peculiarities of the Upper Paleolithic settlement of Yudinovo 97
- N. B. Akhmetgaleeva, N. D. Burova.* New horizons of research at the multilayered site of Byki in the Kursk oblast 107
- N. B. Leonova, E. A. Vinogradova.* The main cultural layer of Kamennaya Balka II: new data and materials obtained in 2014–2017 117
- A. V. Larionova, K. N. Stepanova.* Hammerstones from the Middle Paleolithic sites of Ketrosy and their context, complex 1, main cultural layer 126
- A. V. Kolesnik.* «Eastern Micoquian type» sites in Donbas and the Northeastern Azov Sea region 141

Discoveries in Crimea and the Caucasus

<i>V. E. Shchelinsky</i> . Excavations of the Early Pleistocene site of Kermek in the South Azov Sea littoral zone in 2017	151
<i>S. A. Kulakov</i> . Large cutting tools in the industry of the Early Paleolithic site Bogatyri/Sinyaya Balka	165
<i>K. N. Gavrilov, M. G. Zhilin</i> . Stone Age surface occurrences on the Kerch peninsula: preliminary results of the 2016–2017 reconnaissance works.	171

Paints and ornaments in the Paleolithic

<i>S. A. Demeshchenko</i> . Mineral pigment specimens and painted objects from Kostenki in the collection of the State Hermitage	181
<i>V. S. Zhitenev</i> . Practices of combined use of paint and clay at Kapova Cave: a preliminary report	188
<i>G. V. Sinitsyna, I. A. Grigorieva, E. Yu. Mednikova</i> . Engraved pebble from the Stone Age site of Lanino I/8, Tver oblast	195

Methods of recording in field research

<i>E. M. Kolpakov</i> . Electronic technologies in field research (Kola Expedition methods of field data analysis)	208
---	-----

List of abbreviations	213
---------------------------------	-----

Н. Д. ПРАСЛОВ И ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПАЛЕОЛИТА КОСТЁНОК¹

А. А. СИНИЦЫН²

Ключевые слова: *верхний палеолит, Костёнковская группа стоянок, хронология, периодизация.*

Современная модель культурно-хронологического ранжирования палеолита Костёнок базируется на результатах исследований, проводившихся в конце прошлого века под руководством Н. Д. Праслова. Постоянно пополняемая база радиоуглеродных датировок подтверждает предполагавшееся им отсутствие в Костёнках палеолитических стоянок времени максимума последнего оледенения. В предлагаемом автором виде модель включает четыре хронологические группы и два хиатуса — перерыва в заселении — между II и III хронологическими группами (34–35 тыс. л. н. cal BP) и между ранним и поздним этапами среднего верхнего палеолита (31–28 тыс. л. н. cal BP). Модель остается в стадии формирования, каждая новая серия датировок заставляет вносить в нее коррективы, но стабильными и надежными остаются ее основы.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-12-20

Путь Н. Д. Праслова в археологию начался с Костёнок. С Костёнками были связаны и его последние работы. Между крайними точками были работы на широких территориях Восточной Европы, охватывающие временной диапазон от раннего до финального палеолита и практически весь круг проблем современной первобытной археологии.

Костёнки, играющие особую роль в развитии общих представлений о палеолите и о познавательных возможностях археологии, всегда занимали особое место и в работах Н. Д. Праслова. Все изменения в понимании структуры палеолитического мира Восточной Европы, имевшие место в XX в., прямо или косвенно связаны с исследованием палеолита Костёнок. Определяется это, в первую очередь, полнотой источника: ни одна другая группировка палеолитических памятников Восточной Европы не дает такого разнообразия материалов. Кроме обычных кремневого и костяного инвентаря и фауны здесь представлены украшения, искусство, антропологические остатки, погребения с выраженной обрядностью, жилые и бытовые конструкции, сложно структурированные поселения... В немалой степени это связано с личными качествами исследователей Костёнок, нацеленных, при всех различиях между ними, на получение нового знания и развитие реконструктивных возможностей археологии. Все они внесли свой вклад в этот поступательный процесс, магистральные направления которого были определены П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёвым. Первым — через социологическую направленность исследования, вторым — через концепцию археологических культур и геологический принцип датирования культурных слоев. Эти направления продолжают разрабатываться с разной интенсивностью и, в целом, определяют облик отечественной школы изучения палеолита.

С 1971 г. работы Костёнковской экспедиции были сосредоточены на раскопках верхнего культурного слоя Костёнок 1. Раскопки многослойных памятников, с которыми были свя-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде» и, частично, при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00319а «Палеолит Костёнок: проблема преемственности и прерывистости археологических культур в контексте новой хронологии и палеоклиматических-палеогеографических реконструкций».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

заны принципиальные изменения в понимании палеолита, произошедшие в третьей четверти XX в., отошли на второй план, но прекращены не были. Не было прекращено и обсуждение проблем, связанных с ними, в первую очередь проблем культурно-хронологического ранжирования палеолитических памятников Костёнковской группы. Дополнительным стимулом этому явилось привлечение к полевым исследованиям экспедиции широкого круга представителей естественно-научных дисциплин: кроме традиционно значимых для Костёнок геологов это были специалисты в области изотопного датирования, почвоведы, палинологи, участие которых ранее ограничивалось лабораторными исследованиями. Роль Н. Д. Праслова, официально ставшего начальником экспедиции в 1974 г., была определяющей. Это касалось и подбора приглашавшихся специалистов, и выбора объектов исследования — наиболее репрезентативных, проблемных и важных для решения стоящих проблем.

Раскопки в Костёнках, как и все раскопки палеолитических стоянок, всегда велись в тесном сотрудничестве с геологами и с взаимной заинтересованностью. Но только начиная с послевоенного времени, со времени активного исследования многослойных стоянок А. Н. Рогачёвым, такое сотрудничество становится систематическим и основополагающим для новой хронологии и замены стадияльной концепции концепцией археологических культур: «...заведомо ошибочные выводы Г. Мортилье в части установления фактов могли подтверждаться раскопками П. П. Ефименко в Костёнках до тех пор, пока в Костёнки не ступила нога геолога» (Рогачёв 1961: 43).

Период последней четверти XX в. характеризовался бурным внедрением в археологию палеолита естественно-научных методов исследования. Связанные с этим новые возможности датирования и реконструкции природных условий полностью совпадали с личными приоритетами Н. Д. Праслова, всегда работавшего в сотрудничестве с учеными-естественниками и всегда ставившего эти исследования в основу своих построений. Отличительной чертой «Прасловского этапа» в изучении палеолита Костёнок (Синицын 2012) является направленность на решение определенных, четко сформулированных проблем. Стратегия открытости, проводившаяся А. Н. Рогачёвым и Н. Д. Прасловым, привела к тому, что раскопки в Костёнках 1970–1980-х гг. посетили практически все ведущие специалисты в области четвертичной геологии и палеогеографии. Кроме «ветеранов» Г. И. Лазукова и А. А. Величко естественно-научную часть рабочей группы Костёнковской экспедиции составили И. И. Краснов, Е. П. Зарина, Е. А. Спиридонова, В. Е. Гаррут, И. Е. Кузьмина. Результаты их исследований нашли отражение в издании «Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1989», посвященном 100-летию открытия палеолита в Костёнках (Праслов, Рогачёв 1982). Образцово для того времени были обработаны разрезы Костёнок 1, Костёнок 8, Костёнок 14, Костёнок 17, Костёнок 21 и «стратиграфического шурфа», для которых были получены серии радиоуглеродных датировок, пыльцевые диаграммы, диаграммы палеомагнитной изменчивости, заключения геохимического анализа. Сейчас это стало нормой, обязательным условием любого исследования, но тогда, наряду с работами И. К. Ивановой по разрезам опорных многослойных палеолитических памятников бассейна Днестра, это было первое действительно междисциплинарное комплексное исследование, по уровню не уступавшее лучшим европейским аналогам.

В своем классическом виде костёнковская модель была оформлена в 1960-е гг. (Рогачёв 1957; Лазуков 1957; Величко 1963; Величко, Рогачёв 1969) на основе трехчленной последовательности геологических отложений второй надпойменной террасы Дона и балок. Модель включала три хронологические группы: позднюю (III) — в отложениях покровных

суглинков и две ранние (II и I), связанные с гумусовыми толщами, разделенными вулканическим пеплом. Археологическое содержание I группы определялось сосуществованием стрелецкой и спицынской археологических культур; II — ориньяка, стрелецкой, городцовой и граветта II слоя Костёнок 8; III — четырьмя разновидностями граветта, существовавшими параллельно с памятниками неграветтской атрибуции.

Принципиальным моментом исследований 1970–1990-х гг. явилась дискуссия о наличии стоянок времени максимума последнего оледенения и характере соотносимых с ними отложений, в результате чего сложилась точка зрения, согласно которой «в Костёнках нет памятников моложе двадцатого тысячелетия, за исключением Борщёво 2, очень проблематичного по условиям залегания, даже если и согласиться с полученными радиоуглеродными датами около 13 тыс. лет» (Праслов 1999: 50). Расхождения были: Г. И. Лазуков считал, что культурные слои этого времени уничтожены эрозионными процессами вместе с геологическими отложениями; А. Н. Рогачёв и Н. Д. Праслов склонялись к незаселенности Костёнок в этот период. При этом Н. Д. Праслов признавал наличие отложений с мерзлотными нарушениями, по крайней мере на отдельных участках разрезов Костёнок 21 и Костёнок 8.

Тогда же на основании серийных радиоуглеродных датировок были определены хронологические рамки трех групп: I группа — 36–33 тыс. л. н.; II — 32–27 тыс. л. н.; III — 26–20 тыс. л. н. (Praslov, Soulerjytsky 1997; Праслов, Сулержицкий 1999; Синицын, Праслов 1997). Дискуссионной оставалась нижняя граница III хронологической группы, которая определялась по наиболее древним датам I культурного слоя Костёнок 1 на уровне 25–26 тыс. л. н. Хотя достоверность этих дат всегда оценивалась как очень низкая из-за слишком большого доверительного интервала, такой возраст памятников «восточного граветта» допускался как уступка сторонникам неразрывного виллендорфско-павловско-костёнковского единства. По мере увеличения количества датировок преобладающей постепенно стала «умеренная» точка зрения на возраст верхнего слоя Костёнок 1 в рамках 22–23 тыс. л. н., что близко времени существования Авдеевской и Зарайской стоянок. Следствием этого явилась констатация разрыва между памятниками II и III хронологических групп продолжительностью примерно 3–4 тыс. лет.

Проблема состояла в том, что датировки, попадающие в соответствующий интервал, были. Но были и сомнения в их достоверности, в первую очередь из-за широкого диапазона расхождений внутри серий для одного культурного слоя. Даже при исключении датировок, заведомо не соответствующих стратиграфическому положению стоянок, их разброс превышал допустимые рамки, составляя в среднем 5 тыс. л. Серьезную проблему составила выработка оценочных критериев, позволяющих перевести датировки из разряда источника в разряд полноценных научных фактов, пригодных для решения проблемы реального времени существования стоянок. Единственным возможным вариантом в этой ситуации осталось признание наиболее достоверными самых древних дат внутри серии, исходя из общепринятого положения о том, что радиоуглеродные даты являются показателем минимально возможного возраста образца (Вагнер 2006: 176). Значение каждой даты показывает верхнюю границу временного промежутка. Принятие самых древних датировок за наиболее соответствующие реальному возрасту культурных слоев сейчас стало общепринятым, но еще 20 лет назад требовало дополнительных обоснований.

В последнее десятилетие сложились две модели. М. В. Аникович (Аникович и др. 2008) вернулся к представлениям 1960-х гг. с большей детализацией, но без упоминания работ

и дискуссий 1980–1990-х гг. А. А. Сеницыным, наоборот, они были приняты за основу с акцентом на временные хиатусы — периоды отсутствия палеолитических стоянок в Костёнках — с последующей ориентацией на проблему преемственности–прерывистости культурных традиций. Основу обеих моделей составили новые серии радиоуглеродных датировок, оцененные по-разному, и новые материалы, полученные в последние два десятилетия.

Принципиальное значение для этого приобрели материалы нижнего культурного слоя Костёнок 14 (IVб) (Сеницын 2000; 2009; 2015; Sinitsyn 2010; 2014), которые дали свидетельства новой, ранее неизвестной культурной традиции, относящейся вдобавок к самому древнему этапу верхнего палеолита. Материалы нижних культурных слоев других исследовавшихся памятников (Костёнки 11 и 12, Борщёво 5) при всей их важности не дали диагностирующего археологического материала. Стратиграфическое положение слоя IVб Костёнок 14 под ориньякским слоем (причем они разделены тремя выраженными культурными слоями) и радиоуглеродные даты, более древние, чем имевшиеся на тот момент даты стрелецких памятников, явились основанием для выделения «пласта» начального верхнего палеолита, отличного по технико-типологическим показателям и от ориньяка и от стрелецкой культуры. I хронологическая группа была разделена на две (рис. 1):

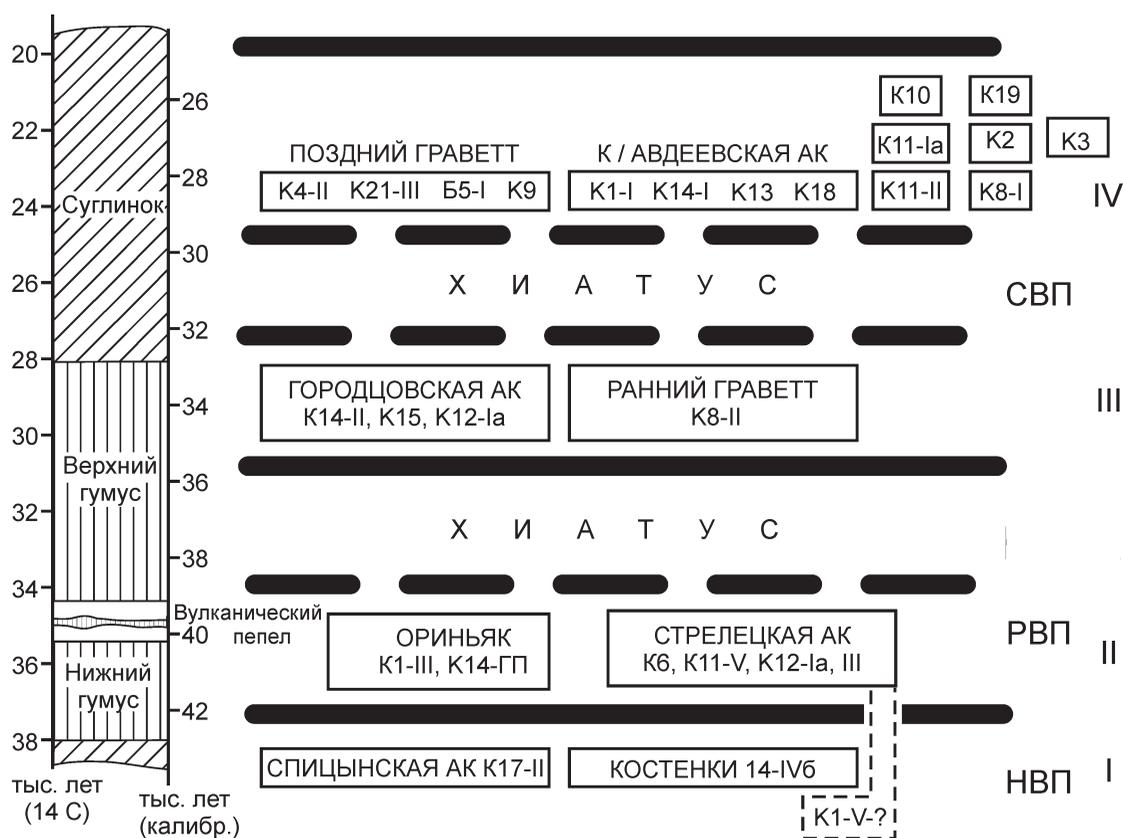

Рис. 1. Современная модель культурно-хронологического ранжирования палеолита Костёнок: I–IV — хронологические группы; НВП — начальный верхний палеолит; РВП — ранний верхний палеолит; СВП — средний этап верхнего палеолита

Fig. 1. Current model of cultural and chronological differentiation of the Paleolithic of Kostenki: I–IV — chronological groups; НВП — Initial Upper Paleolithic; РВП — Early Upper Paleolithic; СВП — Middle Stage of the Upper Paleolithic

— начальный верхний палеолит, представленный спицынской культурой и культурой нижнего слоя (IVб) Костёнок 14;

— ранний верхний палеолит, имевший обычную для этой эпохи в Европе двухкомпонентную структуру, состоящую из ориньяка паневропейского распространения и локальной (стрелецкой) «переходной» культуры.

Проблема хронологических разрывов осталась актуальной, но исходным моментом ее современного состояния уже является заключение предшествующего этапа: отсутствие в Костёнках памятников последнего ледникового максимума и перерыв обитания территории в 27–24 тыс. л. н. Стоит отметить, что наличие хиатуса на этом уровне фиксируется в настоящее время на широких территориях Восточной Европы (Demidenko 2008) и не является чисто костёнковским явлением. После появления новых датировок с использованием современных методов очистки образцов (Reynolds et al. 2015) нижняя граница памятников I хронологической группы оказалась несколько более древней. Временной разрыв между I и II хронологическими группами с 3–4 тыс. л. сократился до 2–3 тыс. л.

Необходимость переоценки структуры II хронологической группы традиционной Костёнковской модели была очевидна давно, поскольку ни на какой другой территории Европы в хронологических рамках 32–27 тыс. л. н. нет такого разнообразия культурных традиций. Решающим для переоценки ее структуры стало открытие на Костёнках 14 ориньякского культурного слоя, непосредственно связанного с вулканическим пеплом, а на некоторых участках перекрытого им (Sinitsyn 2003). Это открытие дало основания считать: во-первых, что обитатели этого поселения были свидетелями катастрофического выпадения огромной массы вулканического пепла из атмосферы (на отдельных участках его мощность достигает 30 см); во-вторых, жизнь на стоянке после этого продолжалась (очаги *in situ* на поверхности пепла); в-третьих, поселение этого слоя существовало до катастрофы, то есть формально относится к I хронологической группе. В пользу этого свидетельствует радиоуглеродная дата $35\ 080 \pm 240$ (OxA-19021) (Douka et al. 2010), полученная с современными методами очистки, которая в калиброванном (календарном) виде дает значение 39,3–41,0 тыс. л. н. в полном соответствии с современными представлениями о возрасте извержения, послужившего источником костёнковского пепла (Pyle et al. 2006; Giaccio et al. 2006; 2008; 2017; Hoffecker et al. 2008; Oppenheimer 2011).

Основанием для разделения II хронологической группы на две явилась датировка граветта II культурного слоя Костёнок 8: $27\ 700 \pm 750$ (GrN-10509), недавно получившая подтверждение (Reynolds et al. 2015), и датировки городцовского II культурного слоя Костёнок 14 в рамках 28–29 тыс. л. н. (Синицын, Праслов 1997; Douka, Higham 2017) — значительно более поздние, чем принимаемый возраст ориньяка (35–32 тыс. л. н.) и стрелецких памятников (~32 тыс. л. н.). Следствием этого явилась констатация хронологического разрыва протяженностью до 2–3 тыс. л. между ними и ориньяком при значительно осложненной в последнее время проблеме верхней границы стрелецкой культуры (Диннис и др. 2017).

Появление граветта имеет принципиальное значение для периодизации: с его возникновением связывается начало среднего этапа верхнего палеолита и существенное изменение структуры палеолитического мира Европы. В Костёнках граветт II культурного слоя Костёнок 8 в специфическом (средиземноморском) виде появляется одновременно с городцовской археологической культурой — специфической культурной традицией, не имеющей аналогий в Западной и Центральной Европе. Так же вместе, 27–28 тыс. л. н. (32–33 тыс. л. н. cal BP), они исчезают без видимого продолжения.

Изменения в структуре самой поздней (теперь IV) хронологической группы (рис. 1) связаны не с уточнением хронологии, как это имело место в случае с более древними группами, а с изменением представлений о культурной атрибуции относящихся к ней памятников, прежде всего с вынесением за пределы традиционно выделявшейся группы памятников граветтской атрибуции (Sinitsyn 2007) II культурного слоя Костёнок 11 и костёнковско-авдеевской культуры в целом (Костёнки 1-I, Костёнки 13, Костёнки 14-I, Костёнки 18) (Синицын 2013).

Предсказуемо более древние датировки для отдельных памятников группы (Костёнки 4, I культурный слой Борщёво 5), полученные на основе современных методов очистки/подготовки образцов (Reynolds et al. 2015), отражают текущее состояние проблемы хронологии. Судя по предварительной информации, новые определения возраста других памятников со сходной стратиграфической позицией культурных слоев (I культурный слой Костёнок 1, III культурный слой Костёнок 21) показывают близкие значения. Тенденция к удревнению возраста стоянок является общей и пока не дает оснований для хронологического ранжирования внутри группы.

Костёнковская модель остается в стадии формирования. Каждая новая серия датировок заставляет вносить в нее определенные коррективы. Новые даты для V культурного слоя Костёнок 1 на уровне 42–43 тыс. л. н. (Haesaerts et al. 2017) стимулируют возрождение традиционной точки зрения на стрелецкую культуру, как самую древнюю в Костёнках (Рогачёв 1957) (рис. 1). Степень ее вероятности усиливается, если вспомнить, что разрез Костёнок 1 всегда считался самым «длинным», но «сжатым» за счет сближенности, «спрессованности» геологических отложений (Спиридонова 1991). Не реагировать на это нельзя, но однозначному изменению модели в данном случае препятствуют серьезные сомнения в стрелецкой атрибуции археологического материала на участке, с которого происходят датированные образцы.

В последнее десятилетие обязательным становится использование калиброванных определений возраста культурных слоев. Обусловлено это необходимостью соотнесения стоянок с климатическими флюктуациями, в настоящее время выражаемыми гренландскими стадиями (GS — Greenland Stadial) и интерстадиями (GI — Greenland Interstadial) на изотопных шкалах, послуживших основой построения калибровочных кривых. В наиболее удачных случаях (например, Jöris et al. 2010) такие построения являются не только иллюстрацией, но и источником культурно-исторических реконструкций. Опыт соотнесения костёнковских памятников со шкалой климатических колебаний (Синицын 2014) отражает современное состояние как проблемы определения реального возраста стоянок, так и проблемы калибровки. Калиброванные даты дают значительно более широкие диапазоны значений, чем некалиброванные, и поэтому периоды незаселенности, довольно четко фиксируемые на основании некалиброванных датировок, при использовании калиброванных значений теряют свою определенность. Тем не менее работы в этом направлении, несомненно, способствуют «эволюции» проблемы и эволюции наших познавательных возможностей.

Состояние «неустойчивого равновесия» Костёнковской модели находится в полном соответствии с реальным состоянием как источниковой базы, так и с определенным кризисом объяснительных моделей. Стабильными остаются ее основания, заложенные в конце прошлого века:

1. Современное состояние совокупности данных по хронологии палеолита Костёнок однозначно свидетельствует в пользу отсутствия памятников времени максимума последнего оледенения;

2. Новые датировки подтверждают также реальность хиатуса на уровне эпизода Хайнрих 4 и наличие хронологического разрыва между ранним и поздним граветтом в пределах эпизода Хайнрих 3, несколько менее продолжительного (2–3 тыс. л.), чем считалось ранее;

3. Заложенные на «прасловском» этапе основы и выводы остаются исходной точкой и реальной базой современных представлений о культурной дифференциации палеолита Костёнок.

Литература

Аникович и др. 2008 — *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнокско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с. (Тр. КБАЭ. Вып. 1).

Вагнер 2006 — *Вагнер Г. А.* Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 576 с.

Величко 1963 — *Величко А. А.* Стоянка Спицына (Костёнки XVII) и ее значение для решения основных вопросов геологии Костёнокско-Борщёвского района // *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л.: Наука, 1963. С. 201–219 (МИА. № 121).

Величко, Рогачёв 1969 — *Величко А. А., Рогачёв А. Н.* Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Герасимов И. П. (ред.). Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969). М.: Наука, 1969. С. 75–87.

Диннис и др. 2017 — *Диннис Р., Бессуднов А. А., Рейнольдс Н., Дудин А. Е., Дука К., Саблин М. В., Сеницын А. А., Хайм Т., Хлопачев Г. А.* Радиоуглеродный возраст III культурного слоя Костёнок 11 в контексте проблемы существования поздних стрелецких памятников в Костёнках // Ковалевский В. Н. (ред.). Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костёнокско-Борщёвского археологического района: Материалы Междунар. научно-практ. конф. (Воронеж, 15–17.09.2016 г.). Воронеж: Изд. дом Воронежского ГУ, 2017. С. 57–75.

Лазуков 1957 — *Лазуков Г. И.* Геология стоянок Костёнокско-Борщёвского района // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 3. Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 135–173 (МИА. № 59).

Праслов 1999 — *Праслов Н. Д.* Костёнокская модель развития верхнего палеолита // Аникович М. В., Праслов Н. Д. (ред.). Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: ТДМК, посвящ. 120-летию открытия палеолита в Костёнках. СПб.: Петербургкомстат, 1999. С. 49–51.

Праслов, Рогачёв 1982 — *Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н.* (ред.). Палеолит Костёнокско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. 145 с.

Праслов, Сулержицкий 1999 — *Праслов Н. Д., Сулержицкий Л. Д.* Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костёнках на Дону // Доклады РАН. Серия Геология. 1999. Вып. 365 (2). С. 236–240.

Рогачёв 1957 — *Рогачёв А. Н.* Многослойные стоянки Костёнокско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 3. Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–134 (МИА. № 59).

Рогачёв 1961 — *Рогачёв А. Н.* Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (о принципе географической стратиграфии при изучении палеолита) // Бадер О. Н., Величко А. А., Иванова И. К., Рогачёв А. Н. (ред.). Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита (к VI Конгрессу INQUA в Варшаве 1961). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 40–45 (Тр. КИЧП. Т. 18).

Сеницын 2000 — *Сеницын А. А.* Нижние культурные слои Костёнок 14 (Маркина гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // *Stratum plus*. 2000. № 1. С. 125–146.

Сеницын 2009 — *Сеницын А. А.* Новые открытия в Костёнках и проблема становления верхнего палеолита в Восточной Европе // Макаров Н. А. (ред.). Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 42–53.

Синицын 2012 — *Синицын А. А.* Прасловский этап в изучении палеолита Костёнок // *Stratum plus*. 2012. № 1. С. 29–35.

Синицын 2013 — *Синицын А. А.* Граветт Костёнок в контексте граветта Восточной Европы // Синицына Г. В. (ред.) Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: Элексис, 2013. С. 4–32.

Синицын 2014 — *Синицын А. А.* Прерывистость и преемственность в палеолите Костёнок // Бесуднов А. Н. (ред.). Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы (Материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 22–24.XIII.2013). Липецк: Липецкий ГПУ, 2014. С. 66–76 (Верхнедонской археологической сборник. Вып. 6).

Синицын 2015 — *Синицын А. А.* Костёнки 14 (Маркина гора) — опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11–GI-3) // Хлопачев Г. А. (ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 40–59 (Замятнинский сб. Вып. 4).

Синицын, Праслов 1997 — Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 143 с. (АИ. Вып. 52).

Спиридонова 1991 — *Спиридонова Е. А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене–голоцене. М.: Наука, 1991. 221 с.

Demidenko 2008 — *Demidenko Yu. E.* The Early and Mid–Upper Palaeolithic of the North Black Sea region: an overview // *Quartär*. 2008. 55. P. 99–114.

Douka et al. 2010 — *Douka K., Higham T., Sinitsyn A.* The influence of pretreatment chemistry on the radiocarbon dating of Campanian Ignimbrite-aged charcoal from Kostenki 14 (Russia) // *Quaternary Research*. 2010. 73. P. 583–687.

Douka, Higham 2017 — *Douka K., Higham T.* The Chronological Factor in Understanding the Middle and Upper Paleolithic of Eurasia // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58, suppl. 17. December 2017 (doi: 10.1086/694173).

Giaccio et al. 2006 — *Giaccio B., Hajdas I., Peresani M., Fedele F. G., Isaia R.* The Campanian Ignimbrite and its relevance for the timing of the Middle to Upper Palaeolithic shift // Conard N. J. (ed.). *When Neanderthals and Modern Humans Met*. Tübingen: Kerns Verlag. 2006. P. 343–375 (Tübingen Publications in Prehistory).

Giaccio et al. 2008 — *Giaccio B., Isaia R., Fedele F., Di Canzio E., Hoffecker J. F., Ronchitelli A., Sinitsyn A. A., Anikovich M. V., Lisitsyn S. N., Popov V. V.* The Campanian Ignimbrite and Codola tephra layers: two temporal/stratigraphic markers for the Early Upper Palaeolithic in Southern Italy and Eastern Europe // *Journal of Volcanology and Geothermal Research*. 2008. Vol. 177. P. 208–226.

Giaccio et al. 2017 — *Giaccio B., Hajdas I., Isaia R., Deino A., Nomade S.* High-precision ¹⁴C and ⁴⁰Ar/³⁹Ar dating of the Campanian Ignimbrite (Y-5) reconciles the time-scales of climatic-cultural processes at 40 ka // *Nature Scientific Reports*. 2017. 7. 45940 (DOI: 10.1038/srep45940).

Haesaerts et al. 2017 — *Haesaerts P., Damblon F., van der Plicht J., Otte M., Nigst Ph. R.* Additional data to the stratigraphy and the chronology of the Kostenki 1 (Poliakov) sequence, Voronezh, Russia // Vasilyev S., Sinitsyn A., Otte M. (eds.). *Le Sungirien*. Liège, 2017. P. 135–142 (ERAUL. 147).

Hoffecker et al. 2008 — *Hoffecker J. F., Holliday V. T., Anikovich M. V., Sinitsyn A. A., Popov V. V., Lisitsyn S. N., Levkovskaya G. M., Pospelova G. A., Forman S. L., Giaccio B.* From Bay of Naples to the River Don: the Campanian Ignimbrite eruption and the Middle to Upper Paleolithic transition in Eastern Europe // *Journal of Human Evolution*. 2008. 55. P. 858–870.

Jöris et al. 2010 — *Jöris O., Neugebauer-Maresch Ch., Weninger B., Street M.* The Radiocarbon Chronology of the Aurignacian to Mid–Upper Palaeolithic Tradition along the Upper and Middle Danube // Neugebauer-Maresch Ch., Owen L. R. (eds.). *New aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic* —

methods, chronology, technology and subsistence. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Wien, 2010. P. 101–137 (MPK. Bd 72).

Oppenheimer 2011 — *Oppenheimer C.* Eruptions that shook the World. New York: Cambridge University Press, 2011. 392 p.

Praslov, Soulerjytsky 1997 — *Praslov N. D., Soulerjytsky L. D.* De nouvelles données chronologiques pour le paléolithique de Kostenki-sur-Don // *Préhistoire Européenne*. Liège, 1997. 11. P. 133–143.

Pyle et al. 2006 — *Pyle D. M., Ricketts G. D., Margari V., van Andel T. H., Sinitsyn A. A., Praslov N. D., Lisirsyn S.* Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene ‘Campanian Ignimbrite/Y5’ eruption, Italy // *QSR*. 2006. 25. P. 2713–2728.

Reynolds et al. 2015 — *Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T.* Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. 2015. 62. P. 121–132 (DOI: 10.7485/QU62_5 2).

Sinitsyn 2003 — *Sinitsyn A. A.* A Palaeolithic ‘Pompeii’ at Kostenki, Russia // *Antiquity*. 2003. Vol. 77, no. 295. P. 9–14.

Sinitsyn 2007 — *Sinitsyn A. A.* Variabilité du Gravettien de Kostenki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés // *Paleo*. 2007. 19. P. 181–202.

Sinitsyn 2010 — *Sinitsyn A. A.* The Early Upper Palaeolithic of Kostenki: chronology, taxonomy, and cultural affiliation // Neugebauer-Maresch Ch., Owen L. R. (eds.). *New aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic — methods, chronology, technology and subsistence*. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Wien, 2010. P. 27–48 (MPK. Bd 72).

Sinitsyn 2014 — *Sinitsyn A. A.* L’Europe orientale // *Otte M. (dir.) Néandertal/Cro-Magnon. La rencontre*. Errance; Arles, 2014. P. 189–220.

N. D. PRASLOV AND THE FORMATION OF THE MODEL OF CULTURAL AND CHRONOLOGICAL DIFFERENTIATION OF THE PALEOLITHIC OF KOSTENKI

A. A. SINITSYN

Keywords: *Upper Paleolithic, Kostenki group of sites, chronology, periodization.*

The current model of cultural-chronological differentiation of the Paleolithic of Kostenki is based on the results of field works carried out at the end of the last century under the leadership of N. D. Praslov. In full agreement with his views, the constantly expanding corpus of radiocarbon dates confirms the absence at Kostenki of archaeological sites dating from the Last Glacial Maximum. The model proposed by the present author includes four chronological groups and two hiatuses or occupation breaks. The latter are observed between chronological groups II and III (34–35 ka cal BP), and between the early and late stages of the Middle Upper Paleolithic (31–28 ka cal BP). While the model is still in the making, and every new series of dates makes it necessary to update it, its foundations are stable and reliable.